

## О ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ВЕРХНЕКАМСКИХ ПЕРМЯКОВ

Е.Н. Федосеева (Сыктывкар)

Термин «языковое сознание» в последнее время встречается во многих лингвистических и психолингвистических исследованиях. Несмотря на множество работ, посвященных языковому сознанию, данное понятие до сих пор остается неопределенным и требует уточнения. По мнению Т.Н. Ушаковой, это словосочетание стало модным и удобным термином, объединяющим язык и сознание. Она отмечает, что можно выявить несколько вариантов применения термина. По ее мнению, одно из основных значений следует усматривать в том, что оно адресуется к той области, где сознание выражает себя вовне вербально, а также принимает на себя языковые воздействия (Ушакова 2003: 3).

Проявление языкового сознания у носителей языка или диалекта может изучаться в разных аспектах. О.И. Блинова отмечала, что носители языка (диалекта) хорошо знают свой говор и могут дать ценные сведения не только о том, тождественен ли окружающий диалектный массив, но и каково происхождение того или иного слова; какова его диалектная принадлежность; могут составить синонимические ряды, привести варианты образования одного и того же слова, охарактеризовать слова с точки зрения их активного и пассивного запаса, сопоставить слова, близкие по значению, но семантически дифференцированные (Блинова 1972: 93). В этом отношении языковое сознание сопоставимо с языковым чутьем.

В своем сообщении мы остановимся на некоторых проявлениях языкового сознания верхнекамских пермяков. Наблюдения проводились во время экспедиций в 2002, 2007 и 2008 гг. в Афанасьевском р-не Кировской области в населенных пунктах Московская, Ромаши, Першино, Пашино, Илюши, Рагоза, Порубово. Нашими информантами были люди среднего и старшего возраста, достаточно хорошо владеющие родным языком. Носители верхнекамского наречия называют себя пермяками: *пэрмйакйас эмӧс'ми* 'пермяки мы', *русской гижс'а, сидсӧ пэрмйакйас* 'русской записана, а так пермяки', *ачыным думайтам, што ми пэрмйакйас* 'сами думаем, что мы пермяки', *ай вӧлин пэрм'йак* 'отец был пермяк'. Однако иногда отмечали, что официально в паспорте были записаны коми-пермяками: *Ал'а, с'эстра, сийа коми-пэрмйачка опйат'* записана 'Аля, сестра, она коми-пермячкой опять записана', *гижӧма паспорт ылын коми-пэрмйачка* 'в паспорте записана коми-

пермячкой', *минам быкѳб вонйас, соййас быкѳб вѳлины коми-пэрмйакйас гижѳмѳс'* 'у меня все братья и сестры коми-пермяками были записаны'. Таким образом, сочетание *коми-пермяк* ассоциируется у носителей верхнекамского наречия с официальным названием национальности и употребляется с глаголом *гижны* и русским вариантом *записать* 'записать (в паспорте)'.  
Кировские пермяки называют свой язык пермяцким: *по-пэрмйацки вис'тала* 'по-пермяцки скажу', *сийа по-пэрмйацки баитѳ* 'он по-пермяцки разговаривает', *гортын мийан быкѳбѳнѳс'* *по-пэрмйацки баитисѳ* 'дома у нас все по-пермяцки говорили', *ми баитам по-пэрмйацки* 'мы разговариваем по-пермяцки', или пермским: *по-пэрмски то эшажык, ог баитѳ* 'по-пермяцки-то меньше, не разговариваем', *ран'шэ по-пэрмски разговаривал'и вс'э*, 'раньше по-пермяцки разговаривали все'.

Носители верхнекамского наречия ввиду полной изоляции от остального коми населения почти не обладают информацией о коми, проживающих в Коми-Пермяцком округе и Республике Коми, но тем не менее дифференцируют себя от тех и других: *н'эт, н'э коми ми, н'эт, ми н'э коми-пэрмйакйас* 'нет, не коми мы, нет, не коми-пермяки'. Мы намеренно задавали вопросы, кто такие коми-пермяки и коми-зыряне, где они живут, но мало кто мог нам ответить. В большинстве случаев наши информанты не видели разницы между коми-пермяками и коми-зырянами. Однако те из них, кто в жизни встречался с коми-зырянами или коми-пермяками, могли указать на их языковые отличия: *кэрѳ'с жажѳ н'ика д'э кыз'-тѳ л'эччис, «вэ'ччис» д'э, шу'ис* 'под гору медленно как-то спустился, «вэччис» мол, сказал'. Информант указал на важную особенность взовых коми-пермяцких говоров: использование *в* вместо *л* в родном говоре (*вэччис* вместо *лэччис*). Другой пример: *а си'йѳ ба'итѳ-ту по главному пэрэмйацкому, баитѳ: «во'ктис Ио'н'икаыс сэ'ччѳ»* 'а он разговаривает по главному пермяцкому, говорит: «воктис» (пришла Иониха туда)' также указывает, что информант уловил главное отличие в речи – принадлежность южным взовым коми-пермяцким говорам, назвав коми-пермяцкий язык главным пермяцким.

Другой наш информант, встречавшийся во время войны с коми-пермяком, рассказал: *комикѳг куйли, пос'л'э ран'эн'ийа тѳ, ми'йан уна слова'ыс н'э схо'дицца (...)* *мийан капу'ста, а сийа кѳ'чан'ѳн назва'л, ми'йан э'жыд, сийа назвал чо'чкѳм, (...) ва'рэшки или т'эпыс'миан эшѳ - испо'ткайас ви'с'талис.* 'с коми лежал, после ранения-то, у нас много слов не сходится, у нас капуста, а он «кѳчань» (кочан капусты) назвал, у нас «эжыд» (белый), а он назвал «чѳчкѳм» (белый), vareжки или «т'эпыс'» еще у нас – «испотки» (vareжки) сказал'. Таким образом, информант также уловил и запомнил лексические различия между родным говором и коми-пермяцким языком.

Еще один носитель верхнекамского наречия общался во время учебы с коми-зырянами. Указав на факт наличия различий в лексике, отметил также быстрый темп речи собеседников: *мийан коми-зыр'анйаскѳд н'э подход'ат н'эвнѳчка (...)* *н'иа кыдзтѳ быстро байтыштѳны. мийан быкѳб сыхѳд сход'итса, быкѳб сход'итса. н'экторые слова н'э сход'атса.* 'с коми-

зырянами у нас не сходится немножко речь. Они как-то быстро говорят. У нас с ними все сходится, некоторые слова отличаются'. Н.В. Беседина подчеркивала, что языковое сознание носителей диалектов иногда указывает на такие особенности, которые в диалектологии часто не учитываются. К ним относятся различия в темпе речи, отмечаемые еще В.И. Далем. Эти различия в диалектной речи объективно существуют, доказательством чего являются как замечания диалектоносителей, так и данные наблюдений (Беседина 1987: 149).

Таким образом, наши информанты, почти не владея информацией о коми-пермяках и коми-зырянах, дифференцировали их язык от своего и отмечали языковые особенности чужой для них речи.

Носители верхнекамских говоров указывали также на факт наличия различий в речи жителей соседних населенных пунктов. В беседе с нами информанты отмечали: *по району-то по-разному баитёны, порубовчыын н'эвна ужэ мёд код'д'эма*. 'по району-то по-разному говорят, в Порубово немного по-другому уже' сказали нам в дер. Ромаши; *р'а' дом о ламё, н'иа н'э по-на шэму тожё говор'ат, быкёб по-разному говор'ат*. 'рядом живем, а они не по-нашему тоже говорят, везде по-разному говорят' рассказывали жители дер. Порубово о жителях дер. Рагоза.

Иногда мы намеренно спрашивали у своих собеседников, в каких населенных пунктах говорят не так, как у них, так как диалектоносители, в отличие от нас, живут на этой территории постоянно, достаточно часто встречаются с представителями других деревень, общаются с ними. Оказалось, что они хорошо чувствуют различия между говорами, и в большинстве случаев мы получали достаточно подробные ответы. Так, нам стало известно, что говор дер. Московская схож с говором деревень Пашино и Ромаши, но отличается от говора дер. Порубово; говор деревень Порубово и Илюши отличается от говора дер. Рагоза, находящейся всего на расстоянии двух километров и т.д. Наши информанты не просто указывали на наличие различий, но и давали довольно четкие характеристики отдельных черт своего и чужого говоров: *мийан татёнка кыча'н, а чэнка вот порубовчыын вот пон; мийан пон этё кон'эц*. 'у нас здесь «кычан» (собака), а там, в Порубово «пон» (собака), у нас «пон» это 'конец'; «кёнтё», «кён» с'орн'итёны. «кытё'н» говор'ат на рагоз'э. так у нас н'э говор'ат. «кёнтё» (где-то), «кён» (где) говорят. «Кытён» (где) говорят в дер. Рагоза. Так у нас не говорят'; *угор мийан угорён называйэцца, а порубо'войас шудёны чой*. 'горка у нас угором называется, а в Порубово скажут «чой» (горка)'. «При оценке чужой речи языковое сознание носителей диалекта выделяет, прежде всего, те отдельные единицы языка, которые оформлены не так, как свои, привычные», — отмечала Н.В. Беседина (Беседина 1987: 149). Информанты наблюдали, например, такие различия: *т'эпыс', тасма, карнан* (дер. Меркучи) — *рукавица* 'варежка', *рэмэн'* 'ремень', *коромысла* 'коромысло' (дер. Ромаши). Кроме различий в лексике и семантике, диалектоносители отмечали фонетические и морфологические отличия: по корреспонденции звуков *к/т'*: *т'ин на к, т'ин на т' баитёны* 'кто на к, кто на т' говорит'; также нам сообщили, что в значении 'за водой' —

в дер. Московской употребляется *валё*, в Порубово – *вала*, а в дер. Першино – *валы*, т.е. используются разные падежные суффиксы.

Носители верхнекамского наречия, указывая на отличия в их родном говоре и говоре соседнего населенного пункта, выделяли слова, одинаковые внешне, но с разным значением, т.е. омонимы. Например, как в приведенном выше примере: *порубовчыын вот пон. мийан пон этё кон'эц.* 'в Порубово вот «пон» (собака). У нас «пон» это 'конец'; о значении слова *шэг*: *порубовчыын дак коска, а мийан дак этё похабной.* 'в Порубово это кость, а у нас это похабное (слово)'.

Кроме того, диалектоносители указывали на наличие вариантов. Например: *ыкё бён ш'и быкё бён, говор'ат и так, и так.* '«ыкёбён» или «быкёбён» (все), говорят и так и так'; *вот сиз'. эз' – можно говорит', эз'ика' – тожэ говор'ат.* 'вот так, «эзь» (так) можно говорить, «эзика» (так) тоже говорят'.

Языковое сознание носителей верхнекамского наречия проявляется также в том, что информанты сами приводили синонимы. Например: *пи и зон могут сказать, так и так правил'но* '«пи» и «зон» (сын) могут сказать, так и так правильно'; *н'оштём и мис'тём и, н'экрас'ивой дак* '«н'оштём» и «мис'тём», если некрасивый'. Кроме этих, носители верхнекамского наречия привели следующие пары синонимов: *вэжан' – крэсна* 'крестная', *тёлбыд – вэс' тёл* 'всю зиму', *рыбн'ик – чэри пирёг* 'рыбник', *мёдодны – ыстыны* 'отправить', *шомкор – шоман'а* 'шавель', *н'алда – паровича* 'мокрица' и др.

Наши информанты могли охарактеризовать слова с точки зрения их активного и пассивного запаса, что также можно расценивать как проявление языкового сознания: *варэшка, тэпыс' эта пёрыс'ёс' шуалёны рукавичкасё* 'варежка, «тэпыс'» (варежка) пожилые рукавичку называют'; так же нам отметили, что слова *ан'кыти* 'горох', *пыш* 'конопля', *кага* 'ребенок' и др. знакомы носителям верхнекамского наречия, но в речи не употребляются.

В заключение отметим, что диалектоносители могут дать ценные и достоверные сведения о своем родном языке. Этой возможностью не нужно пренебрегать в работе с носителями говоров.

### *Литература и источники*

*Беседина Н.В.* Проявление языкового сознания носителей диалекта // Формирование и развитие говоров территории позднего заселения. Саратов, 1987. С. 147–152.

*Блинова О.И.* Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии // Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Диалектная лексика. Л.: Наука, 1972. С. 92–104.

*Ушакова Т.Н.* Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и текст: теоретические и прикладные аспекты // Под ред. Н.В.Уфимцевой. 2003. // [www.ipras.ru/boiko-school/texts/2003/ushakova03\\_yazyk\\_sozn.pdf](http://www.ipras.ru/boiko-school/texts/2003/ushakova03_yazyk_sozn.pdf).